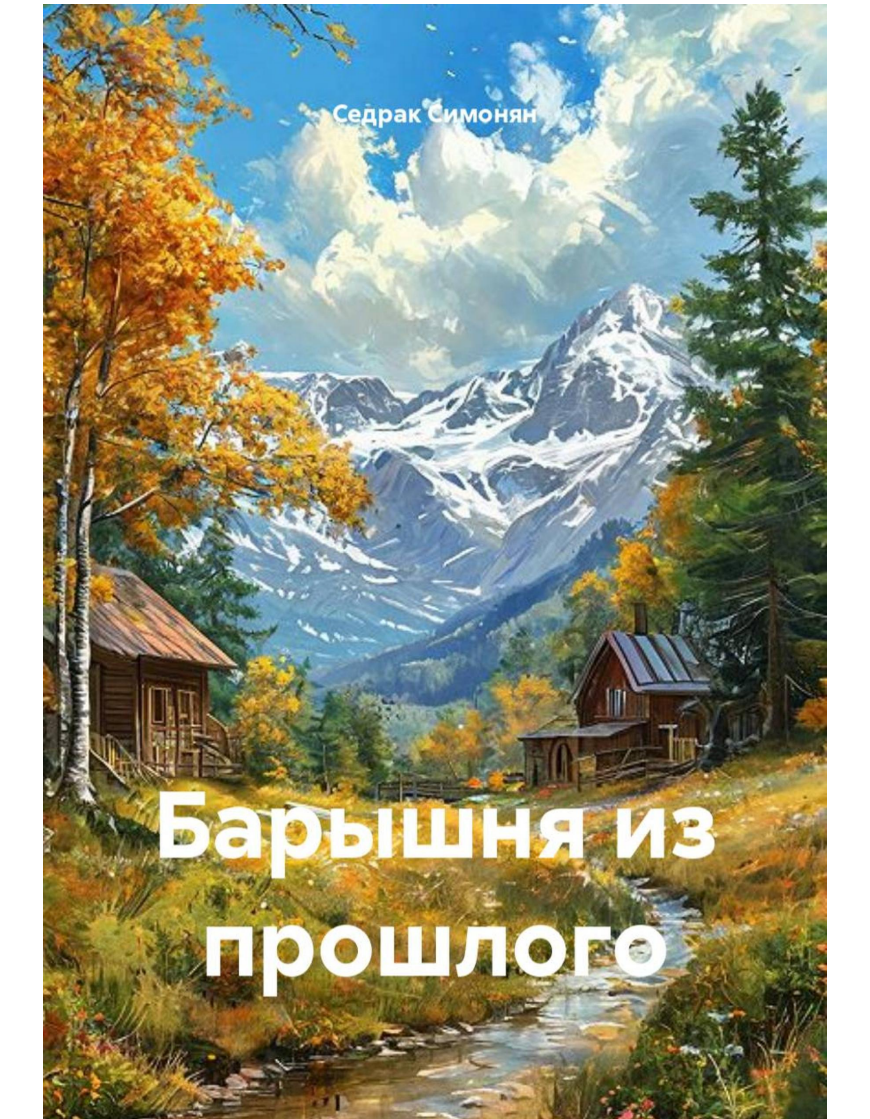

Седрак Симонян

Барышня из прошлого

Седрак Симонян

Барышня из прошлого

<https://litres.ru/74088364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Радостные воспоминания о детстве, о юношеских годах. Почти слившееся с вечностью то последнее десятилетие Великой страны.

Седрак Симонян

Барышня из прошлого

Барышня из прошлого

Радостные воспоминания о детстве, о юношеских годах. Почти слившееся с вечностью то последнее десятилетие Великой страны...

Восторженное, именно восторженное восприятие жизни. Медленные перемены во всем.

Величие страны я ощущал, защищая его рубежи на противолодочном корабле, бороздя океаны.

Демобилизовался, поступил в институт, и на третьем курсе — резкое изменение: из археолога в кинорежиссеры.

Первые самостоятельно снятые короткометражки. Создание имени. Беспечная жизнь, чувство лёгкости бытия...

Всё рухнуло в одночасье. С той же легкостью бытия, в бездне бездушия, одурманивающих славословиях, страна со своими устоями катилась в небытие.

Растерянность, хаос, творческий застой. Старался выка-

рабкаться из окружающей и собственной неразберихи. Поддержка Игоря, моего постоянного помощника и товарища. Его связи во вновь создавшейся киноиндустрии.

Наступило второе тысячелетие. Иные возможности, иные творческие решения и... нехватка времени.

А время стремительно ускользало. Жизнь становилась интересной, но... крайне неопределенной.

Страна после буйств десятилетия старалась сосредоточиться и, казалось, наступило отрезвление. Идея значимого проникла в действительность. Идея созидания Родины... Красота, духовность сияли на личиках бесподобных малышей, барышень и милых дам: светлых, подобно лучам солнышка.

Попробовал сыграть роль в собственном фильме. Был воспринят, понравился зрителю. Так продолжалось бы и дальше, но вот... Беспросветное состояние души. Никчёмные утешения, никчёмные слова...

Умерла мама.

На Великой Русской равнине, в вымирающей маленькой деревушке, тихой и безвестной, съехавшиеся родственники

хоронили мать на местном кладбище.

После похорон, поминок, родственники разъехались по своим весям. В материнском осиротевшем доме остался он, Николай, с водителем Алёшей и другом Игорем.

Было тяжело думать, дышать, мыслить, сокрушаться о неумолимости времени. У иконы беспомощно молить о прощении.

Не мог, не хотел так наскоро расстаться со светочем, сущностью своего подсознательного. Он не посмел, оставшись без родителей, душу обречь на опустошение. Должен был прийти к внутреннему согласию с окружающим, его и своей памятью. Необходимо было это уединение, чтобы осмыслить прошлое и найти путь к будущему. Найти истоки творчества, бытия.

Он посещал мать в год два-три раза. Привозил всё необходимое. Уговаривал переехать к себе в город, большую холостяцкую квартиру. Она не хотела. Не хотела отдаляться от могилы мужа. С парой десятков жителей деревни доживала свой век.

Как замороженный, он прикасался к материнским вещам. По ночам до рассвета перелистывал страницы семейно-

го альбома, восстанавливая отрывки забытого прошлого и был от тоски. Выпивал с Игорем. Водитель не пил, но поддерживал компанию, ввязываясь в разговор, отвлекал от печальных мыслей.

Грустно иль радостно улыбающаяся мать на фотографии. Молоденькая, святая. На другой фотографии — всей семьёй. Патриархальная такая.

Время разбросало, отдалило. Материна осанка в молодости, шарм младшей сестры. Как она горевала... А он часто созванивался с сестрами? Вникал в их проблемы?

Жил ради собственных целей? Не порадовал мать внуками, цепляясь за хвост успеха, за образ, созданный светским бомондом, катился дальше и дальше.

Скверно было на душе. Наваждение какое-то, а не жизнь.

Проснувшись на рассвете в комнате матери, долго пытался понять где он и почему, заново осознавая глубину потери. Ужасался, и обхватив голову, рыдал в подушку с материнским запахом.

Во тьме, задыхаясь от беспомощности в четырёх стенах родительской комнаты, бесшумно, чтобы не разбудить Иго-

ря и водителя, оделся, вышел во двор и долго глядел на грядки цветов-однолеток, бродил по огороду, осиротевшему без хозяйшки: яблони, кусты крыжовника, смородины... Дотрагивался до них, просил прощения.

Вышел на улицу. Запер скрипучую калитку. Оглянулся. Дыхание прохладного утреннего воздуха, пропитанного ароматами детства, дурманило как хмельное. И он дышал и не мог насытиться.

Лай собак из дальних дворов отгонял ощущение вымершей деревни. Машинально прошагал по тропинке детства, спускающейся извилинами к реке. Клик обеспокоенного кулика. Шорох за камышовыми зарослями. Присел на кочке у берега, долго смотрел на вечно текущую по своему руслу медленную воду, и ждал в напряжении, всей своей сутью, ощущения прелести давно минувшего. Запахи, шорохи в камышах, куличий клик, ветер, просыпающийся небосвод, кочующие облака — остались. Ощущения порыва юности — нет.

...Те летние вечера в этих местах, с друзьями, когда зажигали костер, и дед Арсений наставлял их, как ловчее рыбу ловить, коптить на костре, вспоминал неиссякаемые сказы о водяных, о русалках, заманивающих беспечных юношей в омут.

Увы... Ощущение потери светлого, святого, преумножалось и обессиленный, повалился он на предосеннюю желтеющую траву, становясь частицей сокровенного.

Водитель его, Алёша, как тень следил за ним издалека. Почуввав неладное, позвонил на мобильник Игорю и, подойдя, они подняли обессиленного Николая и отнесли его в материнскую комнату.

Игорь уговорами старался вернуть его к жизни.

— Пойми, — говорил он, — понятно, это большое горе, непоправимое. Беда, одним словом. Но за тобой — надежда актеров, рабочих студии. Финансистов, наконец. Они же деньги вложили в твое имя. Есть обязанности... Надо на всё смотреть трезво. Полежи. Сейчас приготовим завтрак, посидим и спокойно всё обсудим. Уныние — грех, и большой.

— Всё это слова, дружище. Обман и иллюзия. Хлам, вот, что мы создаем. Жизнь-то, вот она. Прошла. А мы сюжеты выдумываем для забавы.

— Так нельзя, Николай Иванович. Нельзя обессмыслить жизнь. Надо завершить съемки, а потом отдохнуть, съездить куда-нибудь. Мы в студии озвучим, приведем в порядок сня-

тое. А твой проект о русских барышнях прошлого века? Уже оговоренный и обеспеченный финансами?

— Скажу, Игорь, что я устал. Трудно мне, не могу...

— Ну, позавтракаем, потом поговорим.

— Даже не представляю, Игорь, что бы я без тебя делал...

— Жениться тебе пора. Надо выбрать понимающего человека. Иначе пропадешь. Прости, но ты тиран на съемочной площадке, а в жизни... Дитя.

— Разве это плохо?

— Там, в городах, решают судьбы этих мест. Нарушенный баланс в экологии сознания. Надо бы тебе спутницу жизни найти отсюда. Но... пусто здесь. Светлая та душа, судьба твоя, твоего рода, обитает в городских джунглях. Скромная такая, понимающая.

— Скромные девушки выходят за скромных парней. Зачем им жених за сорок? Оставили бы меня в поле, ушла бы тоска моя. Из-за меня Алексей, наверное, всю ночь не спал.

— Ничего, доспит. Он как тень, везде за тобой.

— Зачем? Духи прошлого здесь меня охраняют.

— Не знаю. Может на тот случай, если решил бы утопиться, — засмеялся Игорь.

— Бойся ты Бога, дружище. Может я и не искренне верующий, лишь воображаю себя таковым, но страшно помыслить о таком грехе. Хотя... конечно. В отчаянии подобные мысли лезут в сознание. И потом. Где мне духу набраться, чтобы утопиться?

— Так и не надобно духа. Уныние твое и нечистые совершат это сами. Ладно, отдохни пока. Вот минует седьмой день, в соседнем селе, в скромной церквушке помолимся за упокой души твоей светлой матушки.

- Церквушка? Разве? В детстве мы играли в прятки в её развалинах. Значит, восстановили. Значит, там сильные духом. Вот о ком надо упоминать денно и нощно.

* * *

Внезапный уход Николая из студии прервал пробы и набор актеров в его новый проект. А встреча со спонсорами и представителями телеканала должна была состояться в бли-

жайшее время.

Сценарий, по которому Николай собирался снять полнометражный фильм, предоставил безвестный автор. С ним свёл случай. В администрации знаменитого театра, где шел разговор о привлечении ведущих актеров на роли в его фильме, молодой автор, без робости, но скромно и уверенно постучался в дверь, вошел в кабинет и без предисловия спросил, кому можно показать пьесу.

— Дверь напротив, молодой человек, — буркнул администратор. — Там вашу пьесу зарегистрируют, а за ответом придёте в следующем квартале.

— Прошу прощения, но почему только в следующем квартале? Текст-то можно прочесть за полтора часа.

— Да, потому, молодой человек, что у нас шкафы трещат от предложенных пьес. А прочесть всё это должны всего-то двое. И то по нечетным дням. За мизерный оклад.

— Да, конечно. Грустно все это. Придется откланяться.

— И не оставите ваше творение? — сыронизировал чиновник.

— Сие творение было создано с любовью и мечтой. И... надеждой, конечно. Зачем его хоронить на ваших пыльных полках. Простите, пожалуйста. И... до свидания.

— Молодой человек, — остановил его Николай, — если кратко, можете сказать, о чём пьеса?

— Если кратко — о барышнях прошлого века.

— Интересно, интересно. О барышнях, говорите?

— Да. Но не думайте, что об институте благородных девиц. Я по образованию историк, и когда по разным поводам просиживал в архивах, случайно наткнулся на эту тему, и диву дался, чем была эта планета барышень, её связям с историческими катаклизмами, и всё это предано забвению, само её существование. Если сравнить по исторической аналогии, чтобы достичь этого уровня, то по времени, скажем, от средневековья до них, это...

— Понятно, молодой человек. Вы можете оставить вашу рукопись у меня. Обещаю прочесть сегодня же. И вот моя визитка. Завтра к обеду придёте на киностудию, и мы там всё обсудим.

— Николай Иванович! Я слышал о вас. Вернее, смотрел

ваши фильмы. Буду вам благодарен, если прочтёте и поделитесь своими впечатлениями.

— Тогда договорились. До завтра.

И, еще обещал, придя домой, после лёгкого ужина, отключив телефон, чтобы никто не помешал, Николай присел на диван и взялся за чтение пьесы. Она оказалась настолько захватывающей, что он включил мобильник, вызвал Игоря, и они до полуночи обсуждали, как можно было бы экранизировать материал.

— Сначала, конечно, надо, расширив сюжетную линию, написать сценарий.

— А парень талантливый. Просто удивляет глубина его познаний. И главное, откопал всё в архивах.

— По виду скромный, несомненно, воспитанный.

— Понятно. По-моему, многое стоит за предисловием к пьесе — историческое описание атмосферы, уклада жизни прошлого века.

— А мироощущение барышень, их духовная суть, уровень нравственной самодостаточности. Боже мой, и всё это

катилось в тартарары. Они ведь, став сестрами милосердия, помогали тысячам братьев, женихов, мужей в эмиграции, на диких турецких берегах, в далёком Китае, в Европе. Действительно, мы скатились в духовное средневековье.

- Замечаешь, Николай Иванович, образы так достоверны, живы, что надо вам вместе с автором поработать над текстом, получится интересная вещь.

- Спасибо Игорь. Пожалуй, в первый раз ты хвалишь вещь, даже до конца не обдуманную.

- Что там думать. Вещь-то интересная.

— Ладно, поговорим об этом завтра. Уже поздно. Как обычно, постелю тебе на диване. Утром позавтракаем и в студию.

На следующий день встретились с автором, поговорили. Заключение договора. Потом продюсеры, спонсоры. Начался отбор актёров и, главное, актрис. Хотя в глубине души Николай признавал, что имеет скудные представления не только о жизненном укладе барышень прошлых времен, но и теперешних, и, по большому счету, уповал на собственное вдохновение, на знание сценариста, на профессионализм актёров. В обыденной жизни он плохо знал и понимал женщин.

Любовный роман с однокурсницей в студенческие годы оставил глубокую рану в его душе. Девушка внезапно вышла замуж за другого. Затем перемены в учебе, жизни.

Потом, не то, чтоб он не влюблялся, но любил женщин, как актёр, как жизнелюб. И с годами нивелировалось высокое представление о единственной спутнице жизни... Но он надеялся... Хотя, окружённый прелестными актрисами, не представлял, как смог бы прожить всю жизнь с такими яркими личностями. Правда, обожал и уважал он всех, но... боялся подпустить к сердцу. И в глубинах сознания рядом по жизни представлял не эти чудесные создания, а бесконечно преданную, понимающую душу. Страх броситься в семейный омут заставлял оставаться холостяком.

Вереница актрис была безумно интересна не только на сцене или игровой площадке, но и в беседах, встречах. Николай отмечал их человеческие качества и вспоминал о них, набирая на роли. Совсем к незнакомым не проявлял интереса, так как будущая роль уже во всех нюансах жила в его воображении.

Зная эти его особенности, актрисы не остались в долгу, окрестив его на съемках — деспотом, в жизни страусом, прячущим голову и сердце от чувств, может и мимолётной, но любви. И жалели, улавливая в его поведении некий ком-

плекс, и, несомненно, дар обоготворения и боязни женщин.

Осиротел. Со смертью матери бесповоротно выпала из жизни определяющая его суть.

В студии пироги, приготовленные супругой Игоря, гораздо значили больше, чем сочувствие коллег и знакомых. Одиночество изнуряло. Среди людей — как в пустыне. Надо было включиться в работу, но от тоски руки опускались, кровь тяжелела в висках, как только образ матери возникал в памяти.

Благо, Игорь и сотрудники претворяли все его указания о построении сцены, отрывка, игры и других нюансах.

В студии были уверены, что Николай взвалил на плечи непосильный труд, взявшись экранизировать историю с барышнями, но всё же верили в него, и было понятно, что для осуществления нового проекта надо было пригласить непрофессиональных актрис из молоденьких выпускниц или учащихся художественных училищ. А с ними приходилось работать да работать. И гоняться за ними на съёмочной площадке, уговаривая, заставляя, иногда унижая, доводя до слёз. А после съёмки принося извиненья, прося прощения за грубость. И терпение, и молчание на высказанные от души нелестные слова в свой адрес. А через какое-то время опять

приглашать тех же актрис.

Как бы ни было, новый проект требовал тщательного отбора. Результатом этого отбора должен стать достоверный портрет эпохи, прерванный катаклизмами, и при этом не впасть в банальное повествование или возвышенную тоску о прошлом. Образы должны светиться благородством, образovanностью барышень тех времен, в присутствии коих жизнь казалась не мгновением вечности, а самой вечностью...

Читавшие сценарий Игорь и другие члены съемочной группы понимали, что Николай увяз из-за собственных амбиций, но все равно верили, что, как небезызвестный барон, цепляясь за собственные волосы, вытянет действительно интересный фильм.

А Николай впал в уныние. Осталась ещё пара ключевых ролей. Особенно роль главной героини, но уже не из кого было выбирать. Молоденькие, как высказался Игорь, были продуктом своего времени.

Рабочий день заканчивался. После того, как все ушли из студии, Николай с Игорем решили поужинать в кабинете. Конечно, с выпивкой. После первой рюмки опять всплыл образ матери, и Николай, прижимая к груди пустую рюмку, завыл как раненый зверь. Игорь успокаивал, как мог. И в это

неподходящее время в дверь постучали.

— Кого это занесло в такое время? Посмотри, — попросил Николай и заново наполнил рюмку.

Игорь подошел к двери и открыл её. Удивился. Вышел, прикрыв дверь за собой. Там стояли худощавые, неприметные две девчонки школьного возраста.

— Что стучите? — спросил он сухо.

— Простите. Здравствуйте, дядя. Или... Простите...

— Тоже, обрадовали. Я давно и дядя, и дедушка. С чем пожаловали? Время уже позднее.

— Простите... Пока нет и пяти. Мы во вторую смену учимся. И... Мы, собственно, по объявлению. На роли...

— Вы? На роли? Знаете, дети, идите домой, поужинайте и сделайте уроки. Вам ещё долго свои пятерки получать.

Одна из подруг не выдержала, вспыхнула:

— Скажите, пожалуйста, это Вы Николай Иванович?

— А от этого что-то изменится?

— Подумать только — те фильмы сняли Вы! Простите за беспокойство.

— Прощаю. Приходите завтра, в рабочее время. А, собственно, что вы хотите? Вы пока малы. Не подойдёте. Читали же объявление. И худенькие. Сначала вам нужно съесть тонну чёрного хлеба с воблой.

— Но мы за старшую сестру пришли похлопотать.

— Это уж слишком, девочки. Может же ваша сестра сама прийти или фотографию прислать. Ладно, идите домой. Уже поздно.

Игорь вошел в кабинет.

— С кем ты там говорил? — спросил Николай.

— С двумя девочками. Роли им захотелось. Отправил домой.

— Надо повежливее. Так нельзя. Пригласил бы завтра на собеседование.

— Да, они не за себя. Потом, дети же.

— Раз дети, отдай им шоколадки. Пусть взамен больше пятерок получают. И извинись за нас.

— Еще и извиняться, — заворчал Игорь и, прихватив с собой две плитки, вышел, крикнув удаляющимся девочкам. Те обернулись с надеждой в глазах.

— Вот, эти шоколадки от нас. Возьмите и идите получать больше пятерок.

Опешившие девочки машинально взяли шоколадки и ушли, забыв поблагодарить. До самой троллейбусной остановки не обронили ни слова. Им стало обидно за себя, и за сестру одной из подруг, Диану, за которую и хлопотали.

— Грубый этот дядя и пьяный, — на остановке сказала Анна, младшая сестра Дианы.

— Правда, пьяный. И не стоит Диане связываться с их фильмом, — с досадой подтвердила Ирина.

— Он ещё и бестактный. Шоколадками бросается.

— Даже не выслушал. Мы для этого дедушки просто глу-

тые девчонки, мечтающие о роли.

— Конечно, обидно. Ну и позабудем, хорошо, Анна?

— Нет, ему надо преподать урок.

— Что ты еще придумала, Аня?

— Он же сказал, что фото можно прислать.

— Ну да сказал. А что? Может, отнесем фотку Дианы?

— Отправим, но не Дианы.

— Но мы же для Дианы старались.

— Ни за что. Чтобы этот пьяный дядя любовался фотографией моей сестры?

— Ну и что? Он же знаменитый. Может, повезет Диане? Ведь мы этого хотели.

— Не видишь, всё это обман. Они давно выбрали, кого захотели.

— Но, тогда... Тогда не понимаю.

— И не надо. Мы поиздеваемся над ними.

— Но как? И некрасиво издеваться над взрослыми.

— Потом скажу, подруга. Я знаю, что нельзя. Мы просто подшутим, и все. Но, Диане ни слова, хорошо?

— А куда деться. Без тебя одна скука кругом. И ты всё равно уговоришь,

— Уговорю, уговорю, — улыбаясь, подтвердила Анна и, выйдя на остановке из троллейбуса, они попрощались.

;;;

Пару дней спустя после упомянутого ужина в студии, Николай, настроенный на работу, а скорее, окончательный выбор актрисы на главную роль, вошел в свой кабинет. Пришли помощники и начали показывать пробные съёмки.

На экране возникали лица актрис, именитых и не очень. Но по хмурому лицу Николая можно было угадать, что это опять не то.

— Николай Иванович, — упрекнул Игорь, — сроки под-

жимают. Пора начинать съемки, а мы застопорились.

— Понимаю, дружище, но и ты пойми. Внутренне не определившись, не смогу начать. Я не вижу той, которая сияла бы на экране, как избранница, олицетворяющая духовное прошлое нашего народа, а не блистала бы, как суперзвезда. Это могут многие, но они сегодняшние, сиюминутные, а не вечных времен.

— Опять уходишь в джунгли воображения. Те, о ком ты говоришь, праправнучки тех барышень. Ну, чего ещё надо?

— Пора... Не обученные в институтах благородных девиц в благородстве, жертвенности и женственности, — что такое теперешние? Надев защитные маски отчуждения, теряются в окружающем, чуждые природе, вертятся под музыку, не улавливая волшебства звуков.

— Подожди, подожди. Ты издеваешься, что ли? Где ты это всё откопал?

— В кадрах пробных съёмок.

— Ну, ты скажешь. Действительно, неисчерпаема твоя фантазия. Вот, принесли почту. Заглянешь? Даст Бог, кто и западёт в твою душу.

— Не сейчас. Сам посмотри. Я отлучусь по делам. Назначены встречи. Завтра будет напряженный день, и я определюсь с выбором. Надо будет пересмотреть отмеченные ролики.

— Bravo, это толково. Ну, езжай. Я обязательно посмотрю.

Попрощались. Николай сел в свой «оппель» и уехал. Игорь, взяв конверты с письмами и фотографиями начал аккуратно вскрывать их.

Утром Николай рано появился в студии. Унылый, не расположенный к работе. Кроме охраны, никого не было. Зашел к себе, снял куртку, присел за стол чтобы позвонить, и тут заметил положенный поверх бумаг вскрытый конверт. Понял, что Игорь специально оставил его на видном месте и был удивлен, так как он не очень-то благоволил к фотографиям. Это заинтриговало, и Николай достал из конверта снимок. От изумления у него дыхание перехватило. С фотографией на руках, он машинально привстал и долго, не отрываясь, смотрел на неё.

С фото на него смотрела невообразимо прелестная, в ретро наряде, молоденькая барышня. Согласно дате, обозна-

ченной в нижнем углу фотографии, она была сделана в прошлый новый год. Вокруг всё сияло каонавальным блеском, и она с улыбкой, дарящей благу вест, счастливая, возвышенная... «Боже мой, неужели в природе такие рождаются», спросил себя Николай.

И в жизни, и в живописи невозможно было представить нечто подобное. Энергетика, лучившаяся из глаз даже с черно-белого фото, завораживала.

«Неужели Бог помиловал», шёпотом произнес Николай, машинально поискав на конверте, на фотографии адрес, телефон, инициалы. Хотя что-нибудь. Но была лишь записка: «Спасибо за шоколадки. Если подойду, дайте знать».

«Глупость какая-то. Что еще за шоколадки?»

— Она была у Игоря, что ли? — громко произнес Николай и стал звонить ему.

— Чью фотографию ты мне на столе оставил? — спросил, здороваясь.

— Понятия не имею. Думал, ты сам всё прояснишь.

— Как проясню?

— Скажем, посетил ресторанчик, познакомился, подарил шоколадку.

— Чушь, какая-то. Знаешь, что я не хожу в рестораны, и у меня нет привычки дарить шоколадки.

— Тогда теряюсь в догадках. Скоро приеду, поговорим.

День ушел на выяснение. У охранника, дежурившего в тот день, был выходной, и у него был отключен телефон. Николай с Игорем навестили его дома. Охранник удивился их появлению. Но вспомнил, что конверт принесла девушка, скорее, подросток, и попросила передать Николаю Ивановичу.

— Это не она? — показал фото Николай.

— Нет, конечно. Она была моложе, худенькая такая. А что случилось? Ведь каждую неделю оставляют письма девчонки, только бы сняться в кино.

— Дело в том, что письмо без обратного адреса. Если девушка с фотографии появится в студии, дайте знать, — попросил Игорь и они ушли.

В машине Игорь встрепенулся и, глядя в сторону Нико-

лая, произнёс:

— Вот чёрт! Я же вспомнил, о ком идёт речь.

— И о ком?

— Помнишь, пару дней назад, после работы сидели у тебя в кабинете.

— Помню. Мы ещё выпивали.

— Ну, вот. Это те девушки, которым ты просил шоколадки передать.

— Что-то не припоминаю.

— Ты их и не видел. Ну, точно. Они еще хлопотали о своей сестренке. Значит, речь шла об этой барышне. Вот, досада, и адреса не оставили.

— Что будем делать, Игорь?

— Может, ещё придут?

— Когда? Ты же сам настаиваешь, что пора начинать. А сейчас, пока не выясню всё о той, кто на фотографии, ничего

делать не буду.

— Знал бы, не оставил бы конверт на столе, — сказал раздосадованный Игорь.

— Зря ты так. Неужели не видишь, не чувствуешь её необычность, яркость. Игорь, надо найти её, найти девушек.

— Понимаю, что надо.

— Договорились, дружище. Я — в студию, а ты — на поиски. Подумай, как бы действовал Холмс?

— Из меня паршивый сыщик, но попробовать можно.

Первое, что сделал Игорь, это прокатился на машине в ближайшую фотостудию. Там, изучив фотографию, предположили, что это умелый монтаж.

— А такое возможно?

- В наш век Всё возможно, уважаемый.

Игорь вернулся в студию.

— Есть что-нибудь? — спросил Николай.

- Да есть. Главное, чтобы эта барышня жила в нашем городе.

Игорь не сказал о заключении фотолаборатории. Виля ожившее лицо Николая, сидевшего за столом, иногда поглядывающего на фото незнакомки и делающего отметки в блокноте, Игорь не решался лишать его надежды.

Игорю хотелось, чтобы этот возвышенный обман продоллся подольше. Да и самому хотелось верить, что эта барышня живёт где-то в городе. Чтобы окончательно убедиться, позвонил приятелю-криминалисту, с которым в былые времена ездил рыбачить на дальние озёра.

— Удивительно, что вспомнил про меня. Я уж думал, ты бесповоротно застрял на съёмках и потому не приглашаешь порыбачить, — обрадовался его звонку криминалист.

— Да, Юра, застрял. И мне очень нужна твоя помощь.

— Неужто-то роль сыграть?

— Это тебе точно не грозит. Дело в другом. Что скажешь, если встретимся в нашей пивной, поговорим.

— Согласен. Как раз есть свободное время.

Встретились, обнялись. Игорь заказал пиво, пару сушёных рыб, и они присели в глубине полупустой пивной.

— Наверняка новые съемки затеяли, раз понадобился криминалист, — заинтересовался Юра.

— Можно сказать и так. Важно, чтобы ты определил, где искать эту барышню, может, по своим связям.

Юра взял из рук Игоря фото, внимательно посмотрел.

— А зачем она вам? — спросил после паузы.

— Хотим предложить ей роль, а координаты отсутствуют. Я узнал, что это фотомонтаж, но всё-таки...

— Действительно, фотомонтаж. И... вряд ли она сможет сыграть роль, так как она не из этого мира.

— О чём ты, приятель?

— Да, да... Она не жива и не из нашего времени.

— Как это ты понял?

— Я чувствую, знаю... Её энергетика, пришедшая из прошлого. И глаза, глаза... В них же всё видно. Как вы решились её пригласить? Наверное, фото прислали, да?

— Именно. Нас одурачили два подростка. Ну, ничего, делом. Спасибо тебе огромное. Слушай, давай-ка я на выходные поеду с вами порыбачить. Что скажешь, а?

— С удовольствием приглашаю, а то вдвоём скучновато. Фото можешь оставить у меня, я быстро определю, откуда она и кто такая.

— Но звони только мне. Николаю Ивановичу ни слова.

— Я слышал, мать у него умерла.

— Да, такая беда. Всё наперекосяк. Представляешь, увидел это фото и словно ожил. Все надежды связаны с этой фотографией. А ты говоришь — не из этого мира. Видишь, что творят дамы из небытия.

— Яркие личности всегда притягательны. Ну, с твоего позволения, я возьму фото.

— Конечно, мы её размножили. Однако, удивительно, что

такой изящной барышни может не быть среди живых.

— Прискорбно, но это наверняка так. Я скоро позвоню.

Попрощались. Игорь вернулся в студию. На вопросительный взгляд Николая, лишь махнул рукой и вернулся к своей работе. Для себя решил, что пока не подготовит Николая и не появится новая актриса, будет держать его в неведении. Но события стали разворачиваться иначе.

На следующий день, в разгар подготовки к съемкам, зазвенел мобильный Игоря. По номеру он определил, что звонит охранник.

- Что-нибудь новое о девушках? — спросил он в надежде.

— Да. Одна из них принесла письмо.

— Можете задержать её? Ну, придумайте какую-нибудь причину. Скажите, например, что режиссёр хочет с ней поговорить.

- Но это невозможно, Игорь Сергеевич. Она оставила письмо и исчезла. Догнать?

— Ладно, забудь. Сохрани письмо, лично мне отдашь.

Скажи, а как она выглядела?

— Ну, девчонка, старшекласница. Ранец с книгами. Глаза синие такие.

— Значит, где-то поблизости учится. Спасибо тебе. Закончу работу и заберу письмо.

После обеда позвонил криминалист.

— Я был прав, дружище, — поздоровавшись, сказал он. — Это знаменитая актриса начала прошлого века. Звали её Аделаидой. Умерла в двадцать три года, оставив на попечение мужа сына и дочь. Похоронена на старом городском кладбище, за церковью. Портрет её высечен на камне, но фотография не оттуда. Наверное, кто-то из ее родственников принес фото.

— Спасибо тебе большое, Юра. Увидимся в выходные. Может, Николая возьму на рыбалку.

Обо всём этом Игорь ничего не сказал Николаю. На следующий день он быстро нашел место учебы девушек. В трёх кварталах от студии находилась их школа. Когда показал фотографию Аделаиды старой учительнице математики, та узнала на ней прабабушку своей ученицы Анны.

— Мы хотели бы поговорить с ней об этой фотографии, узнать о её прабабушке.

— Она вряд ли много знает. Может, старшая сестра?

— А родители?

— К сожалению, они погибли в автокатастрофе. Сейчас будет перемена, и мы пригласим её в учительскую.

Удивлённая вызовом, ничего не подозревавшая Анна вошла в учительскую. Увидев Игоря, побледнела.

— Здравствуй, Анна. Ты помнишь нашу встречу в студии?

Анна утвердительно кивнула головой и прошептала:

— Да, помню. Вы, Николай Иванович, кинорежиссёр.

— Как раз ошибаешься. Я всего лишь оператор, дядя Игорь. Помощник режиссёра.

— Как это? — удивилась растерявшаяся Анна.

— Это правда, дочка. Понимаю; тогда мои слова вас заде-
ли. Но я был прав.

— Что надо съесть тонну черного хлеба?

— И воблу.

Оба рассмеялись.

— Ты умная девушка. У меня внучка чуть моложе тебя.
Но мы с тобой поставили в неловкое положение Николая
Ивановича.

— Понимаю, дядя Игорь. Простите, пожалуйста. Я всего
лишь хотела сказать, что...

— Знаешь, Анна, вчера я был на кладбище. На могильной
плите твоей прабабушки совсем другой портрет. А вот Ни-
колай Иванович, не зная об этом, ждёт не дождется, когда же
Аделаида появится на киностудии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.